

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region)	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

УДК 903.2

DOI 10.14258/nreur(2026)3–02

*Ши Ханьда**Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, Сиань (КНР)**Ж. Курбанала**Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы
(Республика Казахстан)*

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ МОГИЛЬНИКА МАЦЗЯЮАНЬ И ОТРАЖЕННОЕ В НИХ КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

В настоящей статье систематизирован и проанализирован комплекс предметов с зооморфным декором, происходящих из могильника Мацзяюань (马家塬), провинция Ганьсу, КНР), относящегося к западным жунам (西戎) эпохи Чжаньго (战国, 5–3 вв. до н.э.). Сравнительный анализ показывает, что зооморфные мотивы Мацзяюаня включают в себя элементы скифо-сакского звериного стиля, в том числе, типичные для Северного Китая I тыс. до н.э. изображения тигра, а также птицы-феникса, характерные для Центральной равнины и ареала культуры Цинь. Культурное многообразие, воплощенное в стилистике зооморфного декора могильника Мацзяюань, свидетельствует о том, что во второй половине I тыс. до н.э., на фоне активизации кочевых племен Евразийской степи Северный Китай, будучи буферной зоной между кочевым и земледельческим мирами, стал ареной интенсивного культурного и популяционного обмена. Наряду с этим данные материалы подтверждают, что в рассматриваемый период уже активно функционировал транзитный коммуникационный коридор, пролежавший вдоль Тянь-Шаня и связывавший центральные районы Евразийской степи с территориями Северного Китая.

Ключевые слова: могильник Мацзяюань, эпоха Чжаньго, зооморфный орнамент, культурное многообразие, скифо-сакский звериный стиль, Северный Китай, археология Евразийской степи.

Для цитирования:

Ши Ханьда, Курбанала Ж. Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. №3. С. 22–45. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–02](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–02)

Ши Ханьда, докторант, Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, Сиань (КНР).

Адрес для контактов: shihanda@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>
Курбанала Жазира, докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы (Республика Казахстан). **Адрес для контактов:** zhazi1981@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6151-3423>

Shi Handa

Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an (China)

Zh. Kurbanali

The Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty (Republic of Kazakhstan)

ZOOMORPHIC DECORATION AND CULTURAL DIVERSITY AT THE MAJIAYUAN CEMETERY

This article systematizes and analyzes a corpus of objects with zoomorphic decoration originating from the Majiayuan cemetery (马家塬, Gansu Province, PRC), associated with the Western Rong (西戎) of the Warring States period (战国, 5th-3rd centuries BCE). Comparative analysis reveals that the zoomorphic motifs at Majiayuan incorporate the Scytho-Sakan animal style, tiger motifs typical of first-millennium BC northern China, and phoenix designs characteristic of the Central Plains and the Qin cultural sphere. The cultural diversity embodied in these stylistic choices indicates that, during the second half of the first millennium BC, against the backdrop of the rise of nomadic pastoralism across the Eurasian Steppe, northern China functioned as a buffer zone between pastoral and agrarian worlds, experiencing intense cultural and demographic exchange. Furthermore, these findings demonstrate that an interaction corridor along the Tian Shan mountains, linking the central Eurasian Steppe with northern China, had already been established by this period.

Keywords: Majiayuan cemetery; Warring States period; zoomorphic motifs; cultural diversity; Scytho-Sakan animal style; northern China; Eurasian Steppe archaeology

For citation:

Shi Handa, Kurbanali Zh. Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery. Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 22–45.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-02)

Shi Handa, PhD student, Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an (China). **Contact address:** shihanda@edu.hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>

Kurbanali Zhazira, PhD student at the Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty (*Republic of Kazakhstan*). **Contact address:** zhazi1981@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-6151-3423>

Введение

Могильник Мацзяюань расположен в уезде Чжанцзячуань (张家川) городского округа Тяньшуй (天水) провинции Ганьсу. Площадь памятника составляет около 30 тыс. кв. м (рис. 1). За период раскопок, начавшихся в 2006 г., и по состоянию на 2018 г. на могильнике было выявлено 69 погребений и 3 жертвенные ямы. К настоящему времени опубликованы материалы 26 погребальных комплексов¹ [Чжоу, Фан, Се и др., 2008: 4–28; Чжоу, Чжао, Чжао и др., 2009: 25–51; Ван, Чжао, Чжао и др., 2010: 4–26; Се, Лю, 2012: 4–26; Лю, Се, Ван, 2018: 4–25; Се, Фэн, Лю и др., 2024: 22–42; Се, Ян, Лю и др., 2026: 4–21; Xie, Chen, Xie, Zhang, Gu, 2024: 104375]. Типология погребальных сооружений включает крупное погребение с деревянной погребальной камерой и дромосом (представлено только в погр. М6), погребения со ступенчатым дромосом, малые грунтовые ямы и подбойные могилы. Погребенные уложены вытянуто на спине либо в скорченном положении, причем последнее встречается лишь в единичных вертикальных грунтовых ямах. Около половины захоронений содержат деревянные внутримогильные конструкции. Входы в камеры подбойных могил закладывались деревянными досками или бревнами.

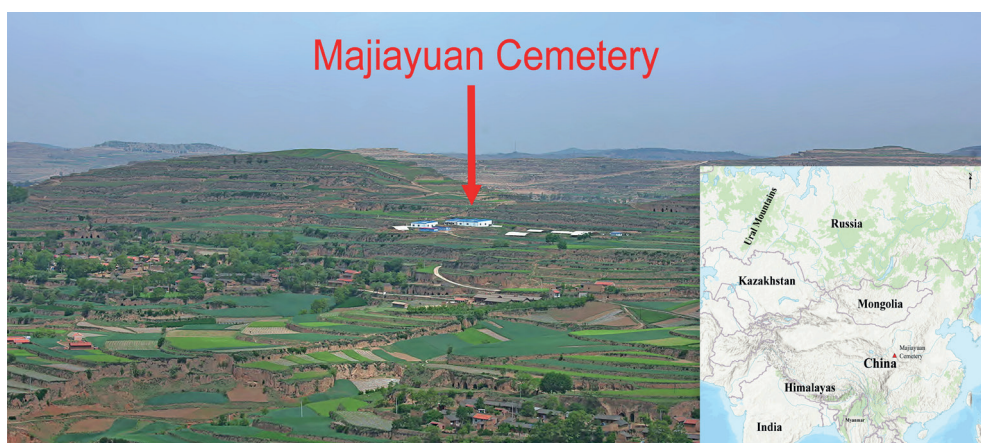

Рис. 1. Схема расположения могильника Мацзяюань

Fig. 1. Site plan showing the location of the Majiayuan cemetery

Практически во всех погребениях зафиксирован остеологический материал — преимущественно черепа, копыта и кости конечностей животных; однако в некоторых

¹ В соответствии с традицией китайской археологии, все погребения в настоящей статье обозначаются латинским индексом «М» (от кит. *mu* / 墓 — могила).

крупных могилах захоронены целые костяки лошадей. В видовом составе жертвенных животных доминируют лошадь и крупный рогатый скот, за ними следуют овцы; также встречаются останки собак. Погребальный инвентарь отличается богатством и типологическим разнообразием. Наиболее выдающимся открытием стало обнаружение на могильнике 68 колесниц. Среди прочих находок представлены керамика со змеиным орнаментом, керамические триподы, бронзовые сосуды в стиле Центральной равнины (Чжунъюань), а также разнообразные украшения из золота, серебра, бронзы, железа, олова, кости, стекла и бирюзы.

В составе погребального инвентаря — будь то детали конской упряжи и колесничной гарнитуры, личные украшения погребенных или нашивные бляшки для одежды — повсеместно распространены зооморфные изображения (рис. 2). Их значительное стилистическое разнообразие, вероятно, является результатом культурного обмена и взаимодействия между различными группами населения. Исходя из этого, избрав могильник Мацзяюань в качестве объекта исследования, через призму зооморфного декоративного искусства мы стремимся проследить стоящее за ним культурное многообразие и процессы взаимодействия различных популяций.

Зооморфные мотивы в скифо-сакском зверином стиле

Проникновение и распространение скифского звериного стиля на территории Китая наиболее ярко проявляется в иконографии грифонов и мотиве животного с вывернутым крупом. А. А. Ковалев [2015: 229–241; 2024: 242–262], Н. В. Полосьмак [1994], П. И. Шульга [2010: 134–136], а также большинство китайских исследователей сходятся во мнении, что бытующие в Китае мотивы грифона и вывернутого крупа тесно связаны с пазырыкской культурой [Ши, 2025: 223–248].

В погребениях М5 и М14 могильника Мацзяюань было найдено в общей сложности 18 золотых бляшек со «сценой терзания» (кошачий или волкообразный хищник, терзающий травоядное животное). Данные изделия выполнены из тонкой золотой фольги в технике тиснения. Голова травоядного на них запрокинута назад, грива и хвост тигра (волка) также загнуты назад, а туловище хищника как бы снабжено крыльями, что явно указывает на иконографию грифона [Ван, Чжао, Чжао и др., 2010: 4–26]. Концы поясных блях, на которых изображены сцены терзания, совершаемого этими животными, нередко имеют волчий облик [Лю, 2021: 24–70]. На золотом поясном крючке из погр. М16 внутри прямоугольной рамки изображены две парные композиции: тигр, терзающий оленя. При этом задние части туловища травоядных животных представлены в перекрученном положении (рис. 2: 32).

Подобный мотив перекрученного туловища, несомненно, берет свое начало в искусстве пазырыкской культуры. Найденные в М15 золотые поясные накладные бляшки в виде головы архара, инкрустированные камнями, также находят прямые аналогии в пазырыкских материалах (рис. 3: 8, 24) [Грязнов, 1950: таб. XXI; Руденко, 1960: 273]. Примечательно, что стилистика многочисленных зооморфных изображений, выполненных в технике тиснения и обнаруженных на могильнике Мацзяюань, обнаруживает поразительное сходство с кожаными аппликациями пазырыкской культуры (рис. 3: 10–12, 23, 26–28) [История Сибири, 2019: 245–257].

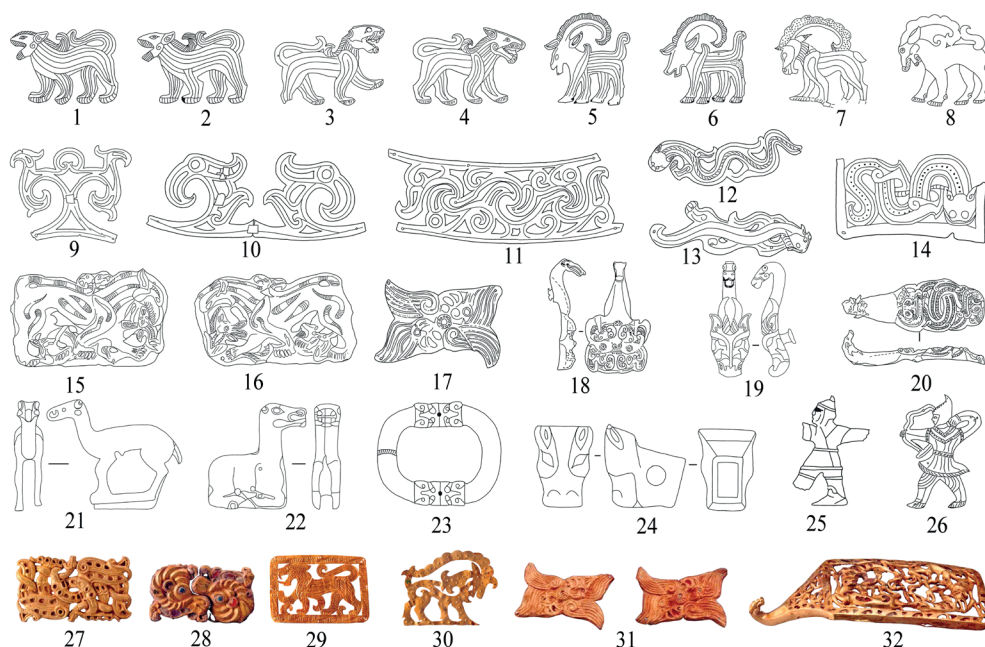

Рис. 2. Зооморфные украшения и изделия из могильника Мацзяюань. 1–4 — изображения тигров из золотой и серебряной фольги; 5–8 — изображения козерогов из серебряной фольги; 9–11 — изделия в виде голов птиц; 12–14 — изображения драконов из золотой и серебряной фольги; 15, 16 — концевые поясные бляхи; 17 — поясная накладная бляшка; 18–20, 32 — поясные крючки, золото, позолоченная бронза; 21-фигурка овцы, бронза; 22-фигурка овцы (лани), олово; 23 — серебряное поясное кольцо; 24 — медная чека от колесницы; 25 — оловянная статуэтка воина (фигурка); 26 — серебряная фигурка воина с луком; 27, 28, 31 — золотые поясные накладные бляшки; 30 — козерог, золотая фольга; 29 — золотая поясная золотая бляха с изображением тигра. (1, 2, 5, 6, 23, 25 происходят из М3; 3, 4, 8–13, 26 — из М50; 7 — из М7; 14 — из М1; 15–19, 31 — из М14; 20 — из М60; 21, 24 — из М62; 22 — из М2; 27, 30, 32 — из М16; 28 — из М15; 29 — из М4)

Fig. 2. Zoomorphic ornaments and artefacts from the Majiayuan cemetery 1, 2, 4: gold foil tigers; 3: silver tiger; 5–8: silver argali figures; 9–11: silver finials in the shape of bird heads; 12, 13: gold dragons; 14: silver dragon; 15, 16–19, 32: gold belt hooks; 20: gilded copper belt hook; 21: copper ram figure; 22: tin ram figure; 23: copper bracelet; 24: copper linchpin (from a chariot); 25: tin warrior figurine; 26: silver warrior figurine with bow; 27, 31: gold belt plaques; 28, 30: argali; 29: gold plaque depicting a tiger. (Provenances: 1, 2, 5, 6, 23, 25 from M3; 3, 4, 8–13, 26 from M50; 7 from M7; 14 from M1; 15–19, 31 from M14; 20 from M60; 21, 24 from M62; 22 from M2; 27, 30, 32 from M16; 28 from M15; 29 from M4)

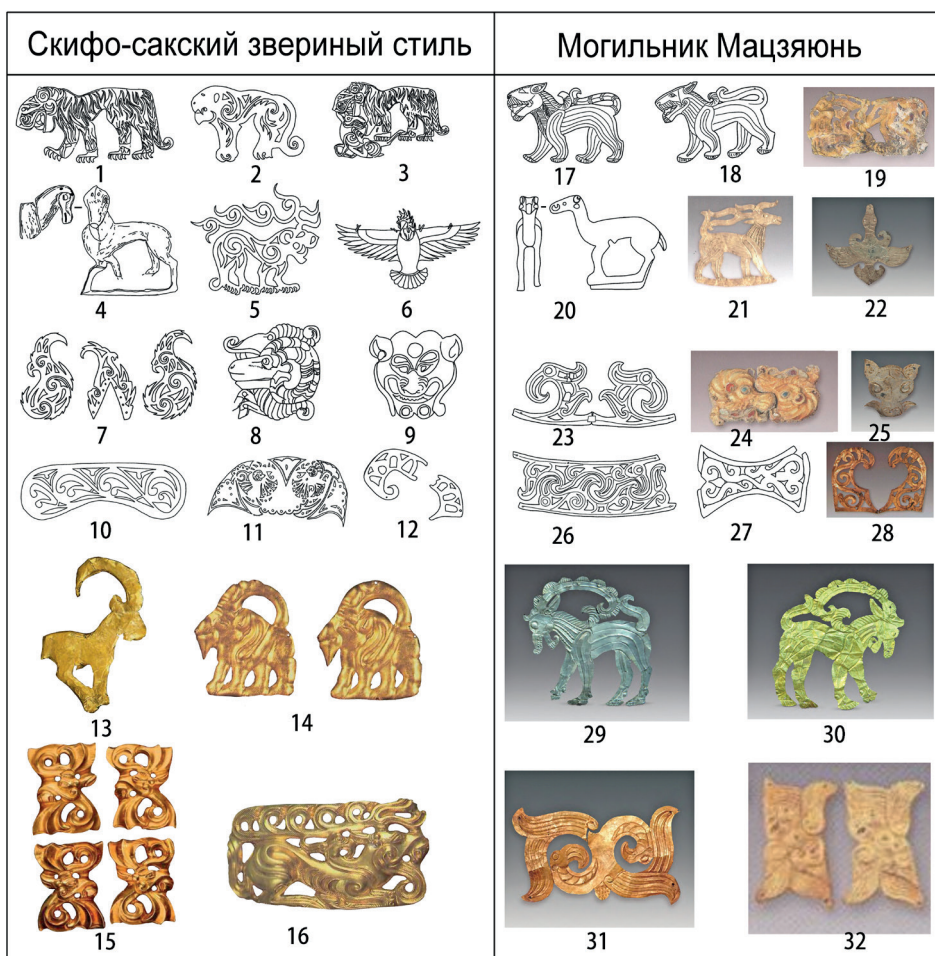

Рис. 3. Сопоставление материалов могильника Мацзяюнь со скифо-сибирским звериным стилем: 1, 3 — изображения тигров на крышке и саркофаге-колоде; 2, 5 — вырезанные из золотой фольги и кожи изображения рогатых тигров; 4 — фигурка оленя; 6 — схематическое изображение грифа; 7 — золотые ажурные украшения; 8 — баран в пасти волка; 9 — голова кошачьего хищника; 10, 12 — украшения луки седла; 11 — деталь орнамента нагрудника; 13, 14 — бляшки в виде козерога; 15 — накладные поясные бляшки; 16 — концевая поясная бляха в виде оленя; 17, 18 — изображения тигров, серебро; 19 — концевая поясная бляха со сценой терзания, золотая фольга; 20 — баран, бронза; 21 — олень, серебро; 22 — серебряная фигурная бляха в виде птицы; 23 — серебряная ажурная накладка в виде стилизованных головок птиц; 24 — золотая поясная накладная бляшка с изображением голов барана и птиц; 25 — серебряное украшение в виде головы тигра; 26 — изделие в виде голов птиц; 27 — золотая поясная бляха с перехватом; 28 — накладка на колесницу из золотой фольги; 29, 30 — изображения козерогов из серебряной и золотой фольги; 31 — золотая поясная накладка с изображением грифона; 32 — поясная накладка X-образной формы, золотая фольга. 1 — Башадар, к. 2; 3, 11 — Пазырык, к. 2;

2 — могильник Карашоки к. 1; 5 — Туэкта, к. 1; 4 — Бураты к. 4; 6, 8 — Пазырык, к. 1; 7 — Шерубай, к. 1; 9 — из коллекции Фролова; 10 — Пазырык, к. 3; 12 — Туэкта, к. 2; 13, 15, 16 — курган Иссык; 14 — случайные находки в урочище Карагалы; 17, 18, 23, 26, 27, 29, 30 — из М 50; 19, 21 — из М15; 20 — из М62; 22, 25, 31 — из М52; 24 — из М15; 28 — из М3; 32 — из М14

Fig. 3. Comparative analysis of materials from the Majiayuan cemetery and the Scytho-Siberian animal style: 1, 3 — tigers on a coffin lid and a log coffin; 2, 5 — cut-leather depiction of a horned tiger; 4 — horse figurine; 6 — schematic depiction of a griffin; 7 — openwork gold ornaments; 8 — scenes of animals within a predator's maw and interlocked in combat; 9 — feline heads; 10, 12 — saddle-bow ornaments; 11 — detail of a breastplate ornament; 13, 14 — ibex plaques; 15 — elements of an articulated belt; 16 — stag plaque; 17, 18 — silver tiger; 19 — gold plaque; 20 — copper ram; 21 — silver stag; 22 — silver zoomorphic bird-shaped plaque; 23 — silver openwork bird-shaped plaque; 24 — gold clasp depicting an argali; 25 — silver ornament in the form of a tiger head; 26 — gold and silver finial in the form of a bird head; 27 — gold belt; 28 — gold foil chariot fitting; 29, 30 — silver argali figures; 31 — gold belt plaque depicting a griffin; 32 — X-shaped belt plaque. (Provenances: 1 — from Bashadar barrow 2; 2 — from Karashoky cemetery barrow 1; 3 — from Pazyryk barrow 2; 5 from Tuekta barrow 1; 4 — from Buraty barrow 4; 6 — from Pazyryk barrow 1; 7 — rom barrow 1, Sherubay cemetery; 8 — from a Pazyryk barrow; 9 — from the Frolov collection; 10 — from Pazyryk barrow 3; 11 — from Pazyryk barrow 2; 12 — from Tuekta barrow 2; 13, 15, 16 — from Issyk barrow; 14 — from chance finds in the Karagaly tract; 17, 18, 23, 26, 27, 29, 30 — from М50; 19, 21 — from М15; 20 — from М62; 22, 25, 31 — from М52; 24 — from М15; 28 — from М3; 32 — from М14)

Для декора колесниц могильника Мацзяюань весьма характерно использование изображений козерогов, изготовленных из золотой или серебряной фольги в технике тиснения (рис. 2: 5–8). Животные показаны в позе стоя, смотрящими вперед; их рога волнообразно изогнуты и касаются спины, хвосты приподняты. В большинстве случаев все четыре конечности изображены раздельно, однако изредка они соединены в нижней части, образуя своеобразное основание, имитирующее поверхность земли. Аналогичные мотивы были зафиксированы также в материалах памятников Чжанцзе-цунь (张街村, Нинся-Хуэйский АР) [Ян, Ци, 1999: 28–37] и Люпин уезда Циншуй (清水刘坪, пров. Ганьсу) [Ганьсуский провинциальный институт..., 2014].

Изображение горного козла (козерога) не является распространенным мотивом в искусстве Северного Китая. Хотя на могильнике Юйхуанмяо (玉皇庙, г. Пекин) [Пекинский институт культурного наследия, 2007] и Наньшаньгэнь (南山根, уезд Нинчэн, пров. Ляонин) [Гробницы с каменными саркофагами..., 1973: 27–39] также были обнаружены зооморфные украшения в виде баранов, их стилистика кардинально отличается от находок из Мацзяюаня. В первых двух случаях животные представлены в лежачей позе; передние и задние конечности сомкнуты, опущенная вниз голова соединяется с ногами, изгиб рогов плавный, а хвост отсутствует. В целом эта иконография отличается схематичностью и уступает реалистичности изображений из Мацзяюаня, что явно свидетельствует о существовании двух различных стилистических традиций. Три золотые бляшки в виде козерогов из могильника Люпин (уезд Циншуй) [Ганьсуский провин-

циальный институт..., 2014; Ли, Нань, 2003: 4–17] по своей форме практически идентичны мацзяюаньским экземплярам, однако животные на них изображены лежащими, что, вероятно, представляет собой синкретизм (слияние) обеих стилистических традиций.

Изображения стоящих козерогов встречаются в материалах шиликтинской культуры Казахстана [Толеубаев, 2018: 220, 258, 493.] и в кургане Иссык (рис. 3: 13, 14). Например, на бляшках в виде козерогов из Иссыкского кургана, выполненных в технике тиснения, рога животного моделированы волнообразным рельефом и изогнуты дугой, а сам стиль отличается высокой степенью реализма. При этом козерогов в иссыкских материалах изображаются либо в прыжке, либо в лежачей позе [Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011; Акишев, 1978]. Кроме того, единичные находки подобных изображений зафиксированы в памятниках раннего железного века на территории Синьцзяна (КНР): в погребениях уездов Синьюань и Текес (могильник Ешиклерек, 叶什克列克) в Илийском крае, а также на могильнике Байцир (拜其尔, уезд Иу) и Вэйцзыся (苇子峡) в округе Хами [Шао, Хоу, 2020: 182, 196].

Заслуживает внимания тот факт, что в материалах могильника Мацзяюань присутствует еще несколько категорий инвентаря, находящих прямые аналогии в древностях сакского времени на территории Казахстана. В погребении М14 могильника Мацзяюань обнаружено 15 X-образных золотых поясных бляшек, выполненных из тонкой золотой фольги в технике тиснения, с отверстиями для пришивания на всех четырех концах [Чжоу, Чжао, Чжао и др., 2009: 25–51] (рис. 2: 17, 31; 3: 15, 32). Абсолютно идентичные изделия происходят из Иссыкского кургана, причем совпадают не только их морфология, но и технология изготовления [Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011: 70–77].

Кроме того, в комплексах М3, М5, М7, М50 и М62 были найдены золотые и серебряные накладки с мотивом «Древа жизни», использовавшиеся для декора колесниц. Несмотря на то, что ряд исследователей возводит истоки данного мотива к древнеперсидской традиции [Пань, Ма, 2023: 91–106], наличие аналогичного декоративного стиля в памятниках шиликтинской культуры указывает на то, что в процессе своей трансляции на восток этот мотив первоначально проник на территорию Казахстана. И если вышеприведенные примеры отражают лишь стилистическое сходство в искусстве, то обнаруженные в погр. М3 и М4 антропоморфные фигурки в остроконечных головных уборах, а также найденная в М50 фигурка облаченного в доспехи воина в остроконечном головном уборе, натягивающего лук, представляют собой классический иконографический образ саков (рис. 2: 25, 26).

На основании изложенного можно с большой долей вероятности предположить, что в IV–III вв. до н.э. племена саков, обитавшие к западу от Тянь-Шаня, уже поддерживали контакты с племенами жунов, населявшими территории Ганьсу к востоку от этого горного массива. Наилучшим подтверждением этому служат зафиксированные в материалах Мацзяюаня художественный стиль, ювелирная техника инкрустации золотых изделий драгоценными камнями и ярко выраженная традиция почитания золота. Вполне вероятно, что вектор коммуникации между этими двумя этнокультурными общностями пролегал из долины реки Или вдоль горной системы Тянь-Шаня до территорий Ганьсу, откуда в дальнейшем эти культурные элементы интегрировались в ареал распространения циньской культуры [Ян, 2010: 51–56].

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что предметы степного облика из могильника Мацзяюань с большей вероятностью происходят из Саяно-Алтая, нежели из сакской культуры Западного Тянь-Шаня [У Сяюнь, 2016; Шульга, Шульга, 2023]. В ответ на это мы считаем необходимым отметить следующее. Прежде всего, наиболее убедительным свидетельством в пользу нашей позиции служат изделия с сакской иконографией, обнаруженные в погребениях М3, М4 и М50 Мацзяюаня. Во-вторых, мы отнюдь не отрицаем, что часть изделий происходит из Саяно-Алтая, — это, кстати, составляет одно из положений настоящей статьи. Однако бесспорным фактом остается и взаимодействие между сакскими и скифскими группами населения; для ряда технологических приемов мы пока не в состоянии с полной определенностью установить, восходят ли они к скифской традиции Саяно-Алтая или к сакской культуре. Как и один из авторов, придерживающихся противоположного мнения, У Сяюнь (吴晓筠), обсуждая различия между Мацзяюанем и сакской культурой, признает наличие технологических сходств. Что касается расхождений в материалах и отдельных деталях, то они отражают именно селекцию и вторичное творчество, осуществлявшиеся воспринимавшей стороной в процессе распространения технологий и художественных стилей. Следовательно, мы ведем речь о возможных контактах между двумя группами населения, а не о колониальном завоевании, при котором одна группа навязывала бы другой свою культурную традицию в полном объеме. Таким образом, в период до Цинь-Хань существовали пути культурного обмена вдоль Тянь-Шаня — от Алтая и Тянь-Шаня до северных территорий Китая в широком смысле. Это положение находит подтверждение и в материалах, свидетельствующих о контактах пазырыкской культуры с Синьцзяном и северными районами Китая [Ши, 2025: 223–248].

Элементы ранней циньской культуры и культуры Центральной равнины

Для зооморфного орнамента ранней циньской культуры наиболее характерны три категории мотивов: хищные птицы, тигры и драконы. В частности, в могильнике Дабаоцзышань (大堡子, уезд Лисянь, пров. Ганьсу) было обнаружено 17 золотых пластинок-аппликаций с изображениями хищных птиц. Изделия выполнены из золотой фольги в технике тиснения и дополнительно украшены геометрическим орнаментом на туловищах птиц. Следует отметить, что подобная орнитоморфная иконография не является эксклюзивной чертой ранней циньской культуры; аналогичные мотивы фиксируются на бронзовых сосудах среднего и позднего периодов эпохи Западное Чжоу. Изображения хищных птиц из Дабаоцзышаня исследователи традиционно связывают с тотемизмом циньского этноса [Ли, 2016: 19–26].

Мотивы тигра и дракона в циньской культуре чаще всего представлены в виде объемной пластики. Так, две пары золотых тигров из Дабаоцзышаня выполнены преимущественно в технике круглой скульптуры. Иконографический тип «оглядывающегося тигра» является уникальным маркером циньских захоронений и не встречается в синхронных погребальных комплексах иных культур. Кроме того, на некоторых бронзовых сосудах ранней циньской культуры присутствуют литые объемные фигурки тигров или драконов [Музей уезда Лисянь, 2004].

В погребении М18 могильника Мацзяюань было найдено композитное украшение, изготовленное из золота и нефрита. Золотая часть изделия представляет собой двух

переплетенных драконов, чешуя которых детализирована с помощью ювелирной техники зерни. Схожая морфология и технология изготовления прослеживаются на золотой поясной пряжке с головой дракона и свернувшимся туловищем циньского времени (эпоха Чуньцю), происходящей из деревни Шангодянь (上郭店村, уезд Фэнсян, пров. Шэньси) [Ян, Шэнь, 2025: 7–15]. Из погр. М14 происходит золотой ажурный поясной крючок, иконография которого представляет собой сцену переплетения дракона и тигра (рис. 2: 20). Золотые украшения с образами тигров и драконов бытовали на Центральной равнине еще в эпохи Шан и Чжоу, однако использование золотой зерни для передачи фактуры драконьей чешуи является типичным технологическим признаком ювелирного дела царства Цинь. В то же время сама композиционная схема «переплетенных животных» характерна для искусства Евразийской степи скифского времени. Обнаруженное в М14 серебряное поясное кольцо с рисунком морд животных МЗЛ; на ее разомкнутых концах смоделированы две обращенные друг к другу головы тигров в позе укуса (рис. 2: 23). Аналогичное изделие было найдено в могильнике Налингаоту (纳林高兔, уезд Шэньму, пров. Шэньси). Кроме того, в М14 у левой руки погребенного зафиксирован золотой поясной крюк, лицевая сторона которого украшена горельефным изображением переплетающихся драконов (рис. 2: 18). Точно такие же пряжки известны по материалам царских гробниц государства Чжуншань (中 山, пров. Хэбэй) эпохи Чжаньго. Единственное отличие заключается в том, что чжуншаньские экземпляры декорированы в технике инкрустации золотом и серебром [Хэбэйский провинциальный институт..., 1996: 153]. Примечательно, что хотя в археологическом отчете декор чжуншаньской пряжки интерпретируется как изображение птицы-феникса, судя по опубликованным иллюстрациям, он практически полностью идентичен орнаменту на пряжке из погр. М14 в Мацзяюане.

На могильнике Мацзяюань также представлена обширная серия абстрактных орнаментальных мотивов, вырезанных из золотой, серебряной и бронзовой фольги в силуэтной технике, визуально напоминающей традиционное китайское вырезание из бумаги. Этот технологический прием являлся одной из самых популярных художественных форм в эпоху Чжаньго. Подобные изделия часто встречаются как на Центральной равнине (царский могильник Чжуншань), так и в погребениях чуской культуры в нижнем течении Янцзы. Исследователи обычно сопоставляют данные мотивы с традиционным китайским образом птицы-феникса, рассматривая их как один из вариантов его иконографического воплощения.

Образы дракона и феникса, будучи мифологическими существами, по всей видимости, изначально зародились в регионе среднего и нижнего течения реки Янцзы. Уже в позднем неолите в материалах культур Шицзяхэ (石家河文化) и Лянчжу (良渚文化) (бассейн Янцзы) фиксируются нефритовые изделия в виде драконов [Ван, 2025: 170–173]. Впоследствии этот мотив стал широко применяться в декоре бронзовых сосудов эпох Шан и Чжоу. Согласно древним преданиям, феникс почитался как предок чусцев, которые обитали в бассейне Янцзы еще во времена династий Ся и Шан. В период от Западного Чжоу до Чжаньго феникс окончательно утвердился в качестве тотема царства Чу, играя важнейшую роль в декоративном искусстве и ритуальных практиках (рис. 4) [Пэн, 2020]. Что касается мотива тигра, то он, вероятно, возник на Цен-

тральной равнине в эпоху среднего Западного Чжоу, затем, в начале периода Чуньцю, проник в Северный Китай, где получил бурное развитие в рамках культуры верхнего слоя Сяцзядянь (夏家店上层文化) [Шао, Хоу, 2020: 268–271].

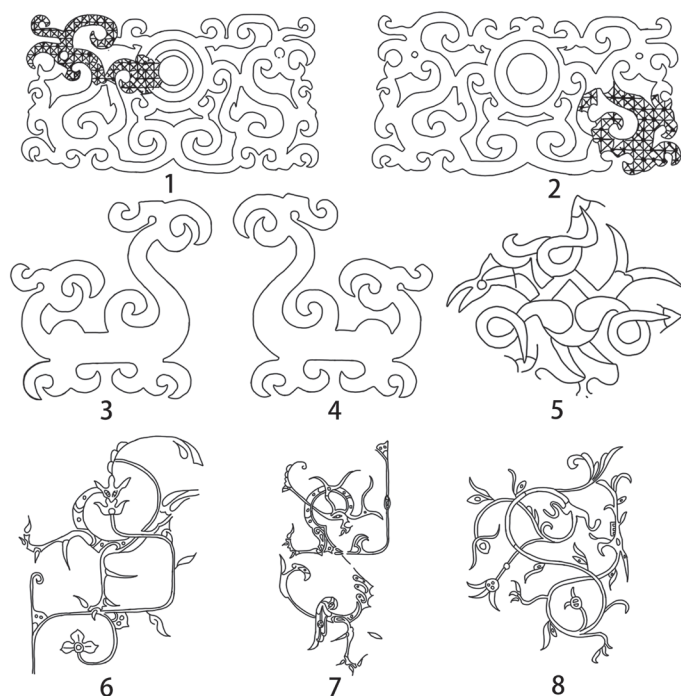

Рис. 4. Изображения дракона и феникса в культуре Чу периода Чжаньго [1–4 — по: Хэнань шэн вэньу каогу яньцзюсю, 2003. С. 145, 150; 6–8 — по: Чжан, Фан, 2017. С. 64–69]: 1–5, 8 — феникс; 6, 7 — дракон (1, 2 — оловянные бляшки, могильник Гэлин (Синьцай, 新蔡葛陵楚墓), погр. N107; 3 — оловянная бляшка, там же, погр. N108; 4 — оловянная бляшка, там же, погр. N290; 5, 8 — изображения на шёлке, погребение № 1 могильника Машань (царство Чу, 马山楚墓); 6, 7 — изображения на шёлке, чуские могилы в Чанша, 长沙楚墓)

Fig. 4. Dragon and phoenix motifs in the Chu culture of the Warring States period [1–4 after: Henan sheng wenwu kaogu yanjiusuo, 2003, pp. 145, 150; 6–8 after: Zhang, Fang, 2017, pp. 64–69]: 1–5, 8 — phoenix; 6, 7 — dragon (1, 2 — tin plaques, Geling cemetery (Xincai), tomb N107; 3 — tin plaque, *ibid.*, tomb N108; 4 — tin plaque, *ibid.*, tomb N290; 5, 8 — silk ornaments, tomb no. 1, Mashan cemetery (Chu state); 6, 7 — silk ornaments, Chu tombs at Changsha)

Хотя в научной среде пока не достигнут полный консенсус относительно генезиса и компонентного состава ранней циньской культуры, никто из исследователей не отрицает наличия в ней субстрата традиций Центральной равнины [Лян, 2017: 149–174]. Исходя из этого, мы полагаем, что мотивы дракона и феникса, зафиксированные в сижунской культуре на примере могильника Мацзяюань, вероятно, были привнесены в Северо-Западный Китай в ходе западной экспансии циньцев. Для мотива тигра,

в свою очередь, можно реконструировать два возможных вектора распространения: один — также через ареал циньской культуры, а второй — путем прямой меридиональной трансляции с севера на юг, со стороны Ордоса.

Традиции Северного Китая

Мотив тигра является одной из самых репрезентативных декоративных тем в искусстве Северного Китая [Линь, 2003: 366–429]. Большое количество зооморфного орнамента с изображениями тигров появляется уже в культуре верхнего слоя Сяцзядянь (IX–VIII вв. до н.э.), относящейся к позднему периоду эпохи Западного Чжоу. В основном эти мотивы фиксируются на бронзовых изделиях, происходящих из таких могильников, как Сяохэйшигоу (小黑石沟) [Институт культурного наследия..., 2009] и Наньшаньгэнь (南山根) [Рабочая станция культурного наследия..., 1973, 27–39] (уезд Нинчэн, АР Внутренняя Монголия). К эпохе Чжаньго наблюдается массовое распространение бронзовых бляшек в виде фигур тигров, которые составляют около 80% от общего числа бронзовых предметов с тигриным орнаментом (рис. 5).

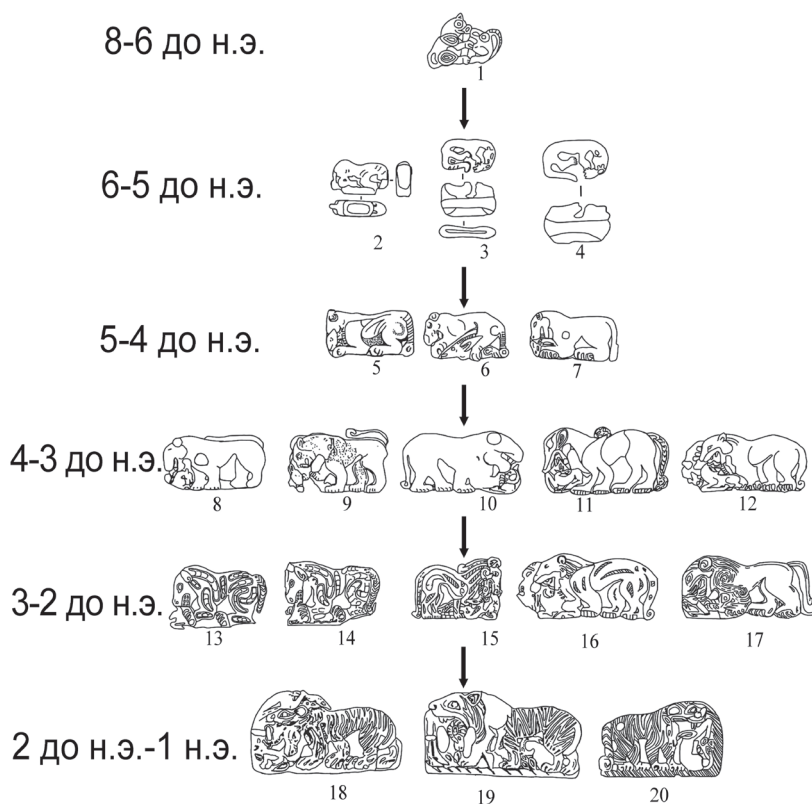

Рис. 5. Схематическая эволюция образа тигра в северных регионах Китая в I тысячелетии до н.э. [По: Шао, 2016, рис. 3] 1 — из могильника Сяохэйшигоу M8501; 2, 3 — из могильника Юйхуанмяо; 4 — из могильника Силянгуан (西梁垆); 5 — из погребения Фаньцзяоцзы (范家窑子); 6 — из могильника Госянь-яоцзы (嵯县窑子) M12; 7 — из могильника Сяошунгучэн

(小双古城) M11; 8 — из могильника Мачжуан; 9 — найдены в уезде Пэнъян, дер. Гучэнцунь (彭阳县古城村); 10 — коллекция Внутреннемонгольского музея; 11 — найдены в уезде Пэнъян, волость Синьцзи (彭阳县新集乡); 12 — найдены в уезде Цинъян, Уцзягоуцянь (庆阳吴家沟圈); 13, 14 — из могильника Люпин (刘坪); 15 — найдены в уезде Пэнъян, дер. Чжанцзецунь (彭阳张街村); 16 — найдены в уезде Сицзи, дер. Чэньянчуань (西吉县陈阳川村); 17 — из могильника Шихуэйгоу (石灰沟); 18 — найдены в уезде Янлан, Цзянхэ (杨郎蒋河); 19 — «Сборник находок из приграничья Великой стены, Внутренняя Монголия» (Neimenggu Changcheng didai shoulu); 20 — случайная находка из могильника Госянь-яоцзы

Fig. 5. Schematic evolution of the tiger motif in northern China during the first millennium BC.
[By: Shao, 2016, fig. 3] 1: Xiaoheishigou (小黑石沟) M8501; 2, 3: Yuhuangmiao (玉皇庙) cemetery; 4: Xiliangguan (西梁堽) cemetery; 5: Fanjia Yaozi (范家窑子) burial; 6: Guoxian Yaozi (崞县窑子) M12; 7: Xiaoshuang Gucheng (小双古城) M11; 8: Mazhuang (马庄) cemetery; 9: Guchengcun (古城村), Pengyang County (彭阳县); 10: Inner Mongolia Museum (内蒙古博物院) collection; 11: Xinji (新集乡), Pengyang County (彭阳县); 12: Wujiagouquan (吴家沟圈), Qingyang County (庆阳县); 13, 14: Liuping (刘坪) cemetery; 15: Zhangjie (张街村), Pengyang County (彭阳县); 16: Chenyangchuan (陈阳川村), Xiji County (西吉县); 17: Shihuigou (石灰沟) cemetery; 18: Jianghe (蒋河), Yanglang (杨郎); 19: Neimenggu Changcheng didai shoulu (内蒙古长城地带收录/Collection of finds from the Great Wall frontier zone, Inner Mongolia); 20: chance find from the Guoxian Yaozi (崞县窑子) cemetery

Основываясь на иконографических и декоративных признаках, тигринный орнамент Северного Китая можно разделить на три основные группы.

Первая группа: Одиночные изображения тигра. Иконографически хищник чаще всего представлен в позе на корточках (припав к земле) или в полуприседе; реже встречаются фигуры стоящего или идущего животного. Такие мотивы наносились на плоскость других бронзовых изделий в технике гравировки или плоского рельефа. Наиболее ранние образцы этой группы зафиксированы в культуре верхнего слоя Сяцзядянь (рис. 5: 1).

Вторая группа: Зооморфные навершия (окончания) в виде головы тигра. Это объемные скульптурные изображения тигриных голов, оформляющие концы пса́лиев, удил, рукоятей кинжалов, ножей и других предметов. Помимо декоративной они выполняли и утилитарную функцию. Данная группа была широко распространена в период от позднего Западного Чжоу до раннего Чжаньго (рис. 5: 2–4).

Третья группа: Бронзовые бляшки в виде фигур тигров (рис. 5: 8–20). Эту группу можно дополнительно подразделить на три типа: 1) одиночные фигуры тигров; 2) композиции тигра в сочетании с другими животными; 3) бляшки, изображающие как одиночных тигров, так и сцены с другими животными, но заключенные в прямоугольную профилированную рамку. В V–III вв. до н.э. композиционные бляшки второго типа получают массовое распространение как в Северном Китае, так и в памятниках скифского времени центральной части Евразийской степи. Что касается третьего типа (бляшки в прямоугольной рамке), то в Северном Китае они появляются несколько позже — лишь в конце эпохи Чжаньго, однако в хуннское время их количество резко возрастает, а видовой состав изображаемых животных дополняется крупным рогатым скотом и лошадьми.

Одиночные изображения идущего тигра (первая группа) были обнаружены в погребениях М3, М5 и М50 могильника Мацзяюань. Декор в виде тигриных голов (вторая группа) зафиксирован на деталях колесниц из погр. М14 и М62. Намного многочисленнее находки бляшек в виде фигур тигров (третья группа). Так, в М14 найдены две золотые бляшки со сценой терзания оленя тигром. Из М20 и М15 происходит по одной золотой бляшке со сценой терзания барана тигром. В погр. М4 обнаружена бляшка с изображением двух взаимно терзающих друг друга хищников. Аналогичные бляшки были найдены в погребениях эпохи Чжаньго на территории Внутренней Монголии — в могильнике Госяньяоцзы (崞县窑子), Сяошуангучэн (小双古城) и Мацжуан (马庄) [Шао, 2018: 43–56]. В период Чжаньго типичным мотивом бронзовых и золотых поясных блях на территории Северного Китая является изображение хищника (тигра или волка), терзающего травоядное животное. Своеобразие же аналогичных сюжетов в могильнике Мацзяюань заключается в том, что у тигра или волка хвост загнут вверх и завершается птичьей головой. Лю Ян полагает, что истоки этого декоративного стиля, вероятно, находятся на Алтае. [Лю, 2021: 28]. Прямоугольные бляшки из М4 и М52 в Мацзяюане находят прямые аналогии в материалах погребений эпохи Чжаньго в Сигоупань (西沟畔) и Алучайдэне (阿鲁柴登) (Внутренняя Монголия). Примечательно, что регион от Ордо-са до Лессового плато характеризуется высокой концентрацией находок тигриных бляшек. В элитных захоронениях могильника Цзюньдушань погребенные носили подобные бляшки на груди; золотые тигриные бляшки встречаются и в ранних погребениях государства Чжуншань на севере провинции Хэбэй. Все эти археологические комплексы традиционно связываются исследователями с племенами *байди* (白狄), упоминаемыми в древнекитайских письменных источниках [Линь, 2003: 366–429].

В то же время за пределами Нинся, на территории Внутренней Монголии были обнаружены такие же, как в Мацзяюане, изображения козрогов из золотой и серебряной фольги, а также ажурные треугольные бляшки [Ши, 2014: 288–298; Liu, Tan, Yang, Ma, 2021: 741–761]. Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что культурный обмен между двумя регионами не был односторонним.

В середине эпохи Чжаньго (вторая половина IV в. до н.э.) началось масштабное продвижение кочевых племен с Монгольского плато на юг, в то время как государства Центральной равнины (Чжунъюаня), напротив, активно расширяли сферу своего влияния на север, в зону Великой стены. Под давлением этих встречных (северного и южного) векторов экспансии территории вдоль Великой стены вступили в период социальной нестабильности и резкой интенсификации миграционных процессов. Именно на фоне этого активного горизонтального культурного обмена некоторые традиции Северного Китая (в частности, мотив тигра) проникли в Северо-Западный регион.

Заключение

Зооморфный декор, будучи не ограниченным утилитарными функциями своего носителя, отличается исключительным типологическим разнообразием и зачастую гораздо глубже отражает внутренний духовный мир и культурные традиции популяции, нежели предметы быта. По сравнению с сугубо утилитарным инвентарем, зооморфные мотивы выступают ярким выражением мироощущения древнего населения; их художественные формы — это не просто индивидуальное самовыражение мастера-созда-

теля, но и репрезентация образа жизни и миграционной динамики целых этнокультурных групп [Andreeva, 2022: 413–465].

Комплекс зооморфных мотивов могильника Мацзяюань, включающий изображения козерогов, архаров, грифонов, тигров, сцены терзания оленя тигром и стилизованные орнитоморфные мотивы, является конкретным воплощением материальной культуры племен жунов (戎). В то же время сквозь призму тотемических и благопожелательных символов в них прослеживаются общие элементы духовной культуры. Различия же в морфологии и детализации орнамента на однотипных изделиях из разных погребений, по-видимому, отражают индивидуальность и социальный статус самих погребенных. Тот факт, что зооморфные украшения выполнены преимущественно из благородных металлов, позволяет с высокой долей уверенности интерпретировать данный могильник как элитный. Ярко выраженная традиция почитания золота кардинально отличает культуру Мацзяюаня от традиций Центральной равнины, где доминировал культ нефрита. Весьма вероятно, что эта «золотая традиция» сформировалась под влиянием кочевников Саяно-Алтайского нагорья — региона, исключительно богатого месторождениями этого металла.

Территория, на которой расположен могильник Мацзяюань, в I тыс. до н.э. представляла собой зону интенсивной полиэтнической и кросс-культурной интеграции. В настоящее время большинство исследователей склонны атрибутировать основную массу погребенных здесь индивидов как представителей племен западных жунов (西戎) [Ци, 2025: 70–78; Ван, 2009: 70–77; Го, 2019: 46–53]; однако существует и альтернативная точка зрения, связывающая этот памятник с племенами ицзюй (义渠). Хронологически могильник датируется периодом от середины до начала позднего этапа эпохи Чжаньго (IV — первая половина III в. до н.э.) [Пань, 2025: 71–123]. Начиная с эпохи Чуньцю, данная популяция поддерживала тесные контакты с северными территориями Ордоса, на юге испытывала мощное влияние циньской культуры и традиций Центральной равнины, а на западе — воздействие скифо-сакского мира центральной части Евразийской степи. Кроме того, декор колесниц и бронзовые сосуды обнаруживают возможные связи с чуской культурой в нижнем течении Янцзы. Столь масштабный геокультурный фон превратил популяцию, оставившую могильник Мацзяюань, в своеобразный фокус (узел) пересечения множества культурных традиций.

Подобное культурное многообразие тесно связано со сложным этнодемографическим составом населения зоны Великой стены в эпоху Восточного Чжоу. С другой стороны, эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что в период Чжаньго, вследствие политической турбулентности на Центральной равнине и масштабной экспансии кочевников с Монгольского плато на юг, в Северном Китае — выступавшем буферной зоной между кочевым и земледельческим мирами — резко активизировался широтный вектор культурного обмена. Этот транзитный коридор протянулся далеко на запад, достигнув центральных областей Евразийской степи — Саяно-Алтая и степей Казахстана.

Благодарности и финансирование:

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам за ценные замечания и исправление технических погрешностей, что позволило значительно улучшить ста-

тью. Также авторы признательны докторанту Ма Сяонину (马小宁) из Института культурного наследия Северо-Западного университета (Китай) за дополнительные материалы, предоставленные в ходе доработки рукописи. Работа выполнена при финансовой поддержке специального проекта Министерства образования КНР в области философии и социальных наук 2024 г. «Сравнительное исследование происхождения китайской и зарубежных цивилизаций» (№ 2024JZDZ058), проект Программы «Возрождение археологических кадров Китая» (№ 2024–267) и «Исследование раннего культурного взаимодействия Востока и Запада в евразийских степях: биоархеологический аспект» (№ 23VSL007).

Acknowledgements and funding:

The authors would like to express their sincere gratitude to the reviewers for their valuable suggestions and for correcting technical errors, which have greatly improved the article. Thanks are also extended to PhD. Ma Xiaoning (马小宁) from the School of Cultural Heritage, Northwest University (China) for providing supplementary materials during the revision of the manuscript. This work was supported by the 2024 Major Research Program of Philosophy and Social Sciences of the Ministry of Education of the People's Republic of China: “Comparative Study of the Origins of Chinese and Foreign Civilizations” (No. 2024JZDZ058), Archaeological Talent Promotion Program of China (2024–267) and Project: “Early East-West Cultural Exchange in the Eurasian Steppe: A Bioarchaeological Perspective” (No. 23VSL007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акишев К. А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Жумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Онгар А. Есік. Иссык. Esik. Алматы, 2011. 200 с.
- История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 642 с.
- Ковалев А. А. Лоуфаньская элита Ордоса и ее связи с царствами Чжао и Цинь // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 242–262.
- Ковалев А. А. Синьжунтоу М30 — погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н.э.) // Краткие сообщения Института Археологии. 2015. Вып. 238. С. 229–241.
- Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Толеубаев А. Е. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП Садвакасов А. К., 2018. 528 с.
- Ши Ханьда. Влияние пазырыкской культуры на Синьцзян и север Китая в скифосакское время. // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37. № 1. С. 223–248. [https://doi.org/10.14258/tpai \(2025\)37\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai (2025)37(1).-12)

Шульга П. И. Поясные бляшки Староалейской культуры. Происхождение и использование. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. No 3. С. 99–119. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)3-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)3-05).

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П. И., Шульга Д. П. Варианты использования накладных поясных бляшек скифского времени в Южной Сибири и Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии, Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 969–976. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Andreeva P. Re-making animal bodies in the arts of early China and North Asia: Perspectives from the steppe // Early China. 2022. Т. 45. Р. 413–465. <https://doi.org/10.1017/eac.2022.6>.

Liu Y., Tan P., Yang J., Ma J. Social agency and prestige technology: serial production of gold appliqués in the early Iron Age north-west China and the Eurasian steppes // World Archaeology. 2021. Т. 53. №. 5. Р. 741–761. <https://doi.org/10.1080/00438243.2022.2055655>.

Xie X., Chen G., Xie Y., Zhang W., Gu W. Technological researches of metal artefacts excavated from Majiayuan, Zhangjiachuan, Gansu Province, China. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2024. Т. 53. Р. 104375. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2023.104375>.

王辉 [Ван Хуэй]. 张家川马家塬墓地相关问题初探 [Предварительное исследование вопросов, связанных с могильником Мацзяюань в Чжанцзячуане]. // 文物 [Культурное наследие]. 2009. № 10. С. 70–77 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.003>.

王玉锋 [Ван Юйфэн]. 龙纹的起源与形成 [Происхождение и формирование орнамента дракона] // 文物鉴定与鉴赏 [Экспертиза и оценка культурного наследия]. 2025. № 6. С. 170–173 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.20005/j.cnki.issn.1674-8697.2025.06.041>.

王辉, 赵昊成, 赵卓, 等 [Ван Хуэй, Чжао Учэн, Чжао Чжо и др.]. 张家川马家塬战国墓地2008~2009年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2008–2009 гг.]. // 文物 [Культурное наследие]. 2010. № 10. С. 4–26 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2010.10.003>.

甘肃省文物考古研究所、清水县博物馆 [Ганьсуский провинциальный институт культурного наследия и археологии, Музей уезда Циншуй]. 清水刘坪 [Могильник Люпин в уезде Циншуй]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньу]. 2014. (на кит. яз.).

郭物 [Го У]. 马家塬墓地所见秦霸西戎的文化表象及其内因 [Культурные проявления и внутренние причины гегемонии Цинь над западными жунами (сизунами) в свете находок из могильника Мацзяюань]. // 四川文物 [Культурное наследие Сычуани]. 2019. № 4. С. 46–53 (на кит. яз.).

甘肃省文物考古研究所 [Институт археологии и материальной культуры пров. Ганьсу]. 西戎遗珍: 马家塬战国墓地出土文物 [Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань]. 北京 [Пекин]: 文物出版社 [Вэньу чубаньшэ]. 2014. С. 54–57 (на кит. яз.).

内蒙古自治区文物考古研究所, 宁城县辽中京博物馆 [Институт культурного наследия и археологии автономного района Внутренняя Монголия, Музей Средней столицы династии Ляо в уезде Нинчэн]. 小黑石沟: 夏家店上层文化遗址发掘报告 [Сяо-

хэйшигоу: Отчет о раскопках памятника верхнего слоя культуры Сяцзядянь]. 北京 [Пекин]. 科学出版社 [Издательство Кэсюэ]. 2009, 487 с. (на кит. яз.).

李晓青, 南宝生 [Ли Сяоцин, Нань Баошэн]. 甘肃清水县刘坪近年发现的北方系青铜器及金饰片 [Бронзовые изделия северного типа и золотые украшения, недавно обнаруженные в Люпине уезда Циншуй провинции Ганьсу]. // 文物 [Культурное наследие]. 2003. № 7. С. 4–17. (на кит. яз.).

李宇 [Ли Юй]. 秦金银制品的考古发现及相关问题初论 [Предварительное исследование археологических находок золотых и серебряных изделий эпохи Цинь и связанных с ними вопросов] // 文博 [Культура и музеи]. 2016. № 4. С. 19–26. (на кит. яз.).

林沄 [Линь Юнь]. 中国北方长城地带游牧文化带的形成过程 [Процесс формирования пояса кочевых культур в зоне Великой Китайской стены на севере Китая] // 燕京学报 [Яньцзинский вестник]. 2003. № 14. С. 366–429 (на кит. яз.).

刘兵兵, 谢焱, 王辉 [Лю Бинбин, Се Янь, Ван Хуэй]. 甘肃张家川马家塬战国墓地 2012~2014年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане, провинция Ганьсу, в 2012–2014 гг.]. // 文物 [Культурное наследие]. 2018. № 3. С. 4–25. <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2018.03.001> (на кит. яз.).

柳扬 [Лю Ян]. 马家塬出土金银铜饰动物造型的欧亚草原游牧文化因素 [Найденные в Мацзяюане золотые, серебряные и бронзовые украшения в форме животных отражают элементы евразийской степной кочевой культуры]. // 秦興戎: 秦文化與西戎文化十年考古成果展 [Цинь и жуны: презентация археологических достижений культуры Цинь и западных жунов по результатам раскопок за десять лет]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство «Культурное наследие» (Вэньбу).] 2021. С. 24–70 (на кит. яз.).

梁云 [Лян Юнь]. 论早期秦文化的来源与形成 [О происхождении и формировании ранней циньской культуры]. // 考古学报 [Археологический вестник]. 2017. № 2. С. 149–174 (на кит. яз.).

礼县博物馆编 [Музей уезда Лисянь (сост.)]. 秦西陲陵区 [Район гробниц на западных рубежах государства Цинь]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2004, 157 с. (на кит. яз.).

潘玲, 李祉祺 [Пань Лин, Ли Чжици]. 马家塬墓地的分期、文化因素及族属研究 [Периодизация, культурные элементы и этническая принадлежность могильника Мацзяюань]. // 北方考古 [Северная археология]. 第19辑 [Выпуск 19]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2025. С. 71–123 (на кит. яз.).

潘玲, 马婷 [Пань Лин, Ма Тин]. 马家塬墓地波斯文化因素分析 [Анализ элементов персидской культуры в могильнике Мацзяюань]. // 草原文物 [Культурное наследие степей]. 2023. № 2. С. 91–106 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16327/j.cnki.cn15-1361/k.2023.02.001>.

北京市文物研究所 [Пекинский институт культурного наследия]. 军都山墓地 — 玉皇庙 (三) [Могильник Цзюньдушань — Юйхуанмяо (Часть III)]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 2007. (на кит. яз.).

彭杨 [Пэн Ян]. 楚凤鸟图式及其精神研究 [Исследование иконографии и духовного значения чуской птицы феникс] // 博士学位论文 [Диссертация на соискание ученой степени доктора наук]. 湖南师范大学 [Хунаньский педагогический университет]. 2020. (на кит. яз.).

辽宁省昭乌达盟文物工作站, 中国科学院考古研究所东北工作队 [Рабочая станция культурного наследия аймака Чжаоуда провинции Ляонин, Северо-Восточный рабочий отряд Института археологии АН Китая]. 宁城县南山根的石椁墓 [Гробницы с каменными саркофагами в Наньшаньгэне, уезд Нинчэн]. // 考古学报 [Археологический вестник]. 1973. № 2. С. 27–39 (на кит. яз.).

谢焱, 刘兵兵 [Се Янь, Лю Бинбин]. 张家川马家塬战国墓地2010~2011年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2010–2011 гг.] // 文物 [Культурное наследие]. 2012. № 8. С. 4–26 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2012.08.005>.

谢焱, 冯维伟, 刘兵兵, 等 [Се Янь, Фэн Вэйвэй, Лю Бинбин и др.]. 甘肃张家川马家塬墓地2015年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань в Чжанцзячуане провинции Ганьсу в 2015 г.] // 考古与文物 [Археология и культурное наследие]. 2024. № 3. С. 22–42 (на кит. яз.).

谢焱, 杨军昌, 刘柳, 等 [Се Янь, Ян Цзюньчан, Лю Лю и др.]. 甘肃张家川马家塬战国墓地M52木棺的实验室考古 [Лабораторные археологические исследования деревянного гроба M52 из могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане провинции Ганьсу]. // 文物 [Культурное наследие]. 2026. № 1. С. 4–21 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2026.01.006>.

吴晓筠 [У Сяюнь]. 山巅上的雄鹿、猛虎与野山羊: 马家塬马车草原装饰的来源与传播途径 [Олени, тигры и дикие козлы на горных вершинах: истоки и пути распространения степного декора колесниц из Мацзяюань] // 故宫学术季刊 [Научный ежеквартальник Музея Гугун]. 2016. Т. 34. № 1. С. 5–10 (на кит. яз.).

河北省文物研究所编著 [Хэбэйский провинциальный институт культурного наследия (сост.)]. 厝墓: 战国中山国国王之墓 (上) [Гробница Цо: гробница правителя царства Чжуншань периода Сражающихся царств (Том I)]. 北京 [Пекин]. 文物出版社 [Издательство Вэньбу]. 1996. 888 с. (на кит. яз.).

河南省文物考古研究所 [Хэнань шэн вэньбу каогу яньцзюсо]. 新蔡葛陵楚墓 [Чуский могильник Гэлин (Синьцай)]. 郑州 [Чжэнчжоу]: 大象出版社 [Издательство Дасян], 2003 (на кит. яз.).

祁翔 [Ци Сян]. 论渭河上游东周西戎文化类型与文化嬗变 [О типах и эволюции культуры западных жунов периода Восточного Чжоу в верховьях реки Вэйхэ]. // 考古与文物 [Археология и культурное наследие]. 2025. № 2. С. 70–78 (на кит. яз.).

张庆, 方敏 [Чжан Цин, Фан Минь]. 楚国丝绸中的龙凤合体造型探析 [Анализ композиционных форм дракона и феникса в чуском шёлке] // 丝绸 [Шёлк]. 2017. Т. 54. № 1. С. 64–69. (на кит. яз.).

周广济, 方志军, 谢言, 等 [Чжоу Гуанцзи, Фан Чжицзюнь, Се Янь и др.]. 2006年度甘肃张家川回族自治县马家塬战国墓地发掘简报 [Краткий отчет о раскопках 2006 года в могильнике Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезде провинции Ганьсу] // 文物 [Культурное наследие]. 2008. № 9. С. 4–28 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2008.09.001>.

周广济, 赵吴成, 赵卓, 等 [Чжоу Гуанцзи, Чжао Учэн, Чжао Чжо и др.]. 张家川马家塬战国墓地2007~2008年发掘简报 [Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань периода Сражающихся царств в Чжанцзячуане в 2007–2008 гг.] // 文物 [Культур-

ное наследие]. 2009. № 10. С. 25–51 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.001>.

邵会秋 [Шао Хуэйцю]. 欧亚草原中部区早期游牧文化动物纹装饰研究 [Исследование зооморфных орнаментов ранних кочевых культур в центральной зоне Евразийской степи] // 边疆考古研究 [Исследования пограничной археологии]. 2016. № 1. С. 229–256 (на кит. яз.).

邵会秋 [Шао Хуэйцю]. 中国北方、新疆和欧亚草原文化的交往 — 以动物纹装饰为视角 [Культурные контакты между Северным Китаем, Синьцзяном и Евразийской степью: через призму зооморфных орнаментов] // 西域研究 [Исследования Западного края]. 2018. № 2. С. 43–56 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xuyj.2018.02.005>.

邵会秋, 侯知军 [Шао Хуэйцю, Хоу Чжицзюнь]. 百兽率舞: 商周时期中国北方动物纹装饰综合研究 [Танец всех зверей: комплексное исследование зооморфных орнаментов северного Китая периодов Шан и Чжоу]. 上海 [Шанхай]. 古籍出版社 [Издательство Гуцзи]. 331 с. (на кит. яз.).

史党社 [Ши Даншэ]. 从考古新发现谈前丝路的一些问题 [Некоторые вопросы до-Шелкового пути в свете новых археологических открытий] // 秦始皇帝陵博物院论丛 [Сборник статей Музея Мавзолея императора Цинь Шихуана]. 2014. С. 288–298 (на кит. яз.).

杨守国, 祁悦章 [Ян Шоуго, Ци Юэчжан]. 宁夏彭阳县近年出土的北方系青铜器 [Бронзовые изделия северного типа, недавно найденные в уезде Пэнъян Нинся-Хуэйского автономного района] // 考古 [Археология]. 1999. № 12. С. 28–37 (на кит. яз.).

杨静, 沈爱凤 [Ян Цзин, Шэнь Айфэн]. 互鉴 • 共融: 马家塬战国墓地出土服饰的多元文化探析 [Взаимодействие и интеграция: исследование мультикультурализма одежды, найденной в могильнике Мацзяюань периода Сражающихся царств] // 山东工艺美术学院学报 [Вестник Шаньдунского института искусств и ремесел]. 2025. № 1 (на кит. яз.).

杨建华 [Ян Цзяньхуа]. 张家川墓葬草原因素寻踪 — 天山通道的开启 [По следам степных элементов в погребениях Чжанцзячуаня: открытие Тянь-Шаньского коридора] // 西域研究 [Исследования Западного края]. 2010. № 4. С. 51–56 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xuyj.2010.04.011>.

References

Akishev K.A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Issyk Kurgan. The Art of the Saka of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978, 131 p. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Pervyi pazyrykskii kurgan* [The First Pazyryk Kurgan]. Leningrad: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1950, 92 p. (in Russian).

Istoriya Sibiri: v 4 t. T. 2: Zheleznyi vek i Srednevekov'e [History of Siberia: in 4 vols. Vol. 2: Iron Age and Middle Ages]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2019, 642 p. (in Russian).

Kovalev A.A. Loufan'skaya elita Ordosa i ee svyazi s tsarstvami Chzhao i Tsin' [Loufan elite of Ordos and its connections with the Zhao and Qin states]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. 2024, vol. 24, no. 2, pp. 242–262 (in Russian).

Kovalev A.A. Sin'chzhuantou M30 — pogrebenie znatnogo predstavitelya pazyryktsev-“loufanei” na sluzhbe vana kitaiskogo tsarstva Yan' (seredina III v. do n. e.) [Xinzhuangtou

M30 — a burial of a noble representative of the Pazyrykians—“Loufan” in the service of the Wang of the Chinese Yan state (mid-3rd century BC)]. *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2015, no. 238, pp. 229–241 (in Russian).

Polos'mak N. V. “*Steregushchie zoloto grify*” (*ak-alakhinskie kurgany*) [“Griffins guarding the gold” (Ak-Alakha kurgans)]. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 1994, 125 p. (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the Population of the Central Altai in the Scythian Time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 360 p. (in Russian).

Shi Handa. Vliyanie pazyrykskoi kul'tury na Sin'tszyan i sever Kitaya v skifo-sakskoe vremya [Influence of the Pazyryk culture on Xinjiang and northern China in the Scytho-Saka period]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2025, vol. 37, no. 1, pp. 223–248 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/tpai> (2025) 37 (1).–12

Shul'ga P. I. *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in the 8th–3rd centuries BC (Burial complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: AltGTU Publ., 2010, 238 p. (in Russian).

Shul'ga P. I. Poyasnye blyashki Staroaleiskoi kul'tury. Proiskhozhdenie i ispol'zovanie [Belt plaques of the Staroaleisk culture: Origin and use]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2023, vol. 28, no. 3, pp. 99–119 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/nreuer> (2023) 3–05

Shul'ga P. I., Shul'ga D. P. Varianty ispol'zovaniya nakladnykh poyasnykh blyashek skifskogo vremeni v Yuzhnoi Sibiri i Severnom Kitae [Variants of use of Scythian-period belt plaques in Southern Siberia and Northern China]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2023, vol. 29, pp. 969–976 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Toleubaev A. E. *Rannesakskaya shiliktinskaya kul'tura* [Early Saka Shilikty Culture]. Almaty: IP “Sadvakasov A. K.” Publ., 2018, 528 p. (in Russian).

Zhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A., Ongar A. *Esik. Issyk. Esik* [Esik. Issyk. Esik]. Almaty, 2011, 200 p. (In Russian, Kazakh and English).

Andreeva P. Re-making animal bodies in the arts of early China and North Asia: Perspectives from the steppe. *Early China*. 2022, vol. 45, pp. 413–465. <https://doi.org/10.1017/eac.2022.6>.

Liu Y., Tan P., Yang J., Ma J. Social agency and prestige technology: serial production of gold appliqués in the early Iron Age north-west China and the Eurasian steppes. *World Archaeology*. 2021, vol. 53, no. 5, pp. 741–761. <https://doi.org/10.1080/00438243.2022.2055655>.

Xie X., Chen G., Xie Y., Zhang W., Gu W. Technological researches of metal artefacts excavated from Majiayuan, Zhangjiachuan, Gansu Province, China. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2024, vol. 53, p. 104375. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2023.104375>.

Beijing shi wenwu yanjiusuo. Jūndūshān mùdì — Yùhuángmiào (sān) [Jundushan Cemetery: Yuhuangmiao (Part III)]. Beijing: Cultural Relics Press, 2007. (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo, Qingshui xian bowuguan. Qīngshuǐ Liúping [Liuping Cemetery in Qingshui County]. Beijing: Cultural Relics Press, 2014. (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo. *Xīróng yízhēn: Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì chūtǔ wénwù* [Treasures of the Western Rong: Artifacts Unearthed from the Majiayuan Cemetery of the Warring States Period]. Beijing: Cultural Relics Press, 2014, pp. 54–57. (in Chinese).

Guo Wu. Mǎjiāyuán mùdì suǒ jiàn Qín bà Xīróng de wénhuà biǎoxiàng jí qí nèiyīn [Cultural manifestations and internal causes of Qin's hegemony over Western Rong as seen from the Majiayuan Cemetery]. *Sìchuān Wénwù* [Sichuan Cultural Relics]. 2019, no. 4, pp. 46–53 (in Chinese).

Hebei sheng wenwu yanjiusuo. *Cuò mù: Zhànguó Zhōngshānguó guówáng zhī mù (shàng)* [Tomb of Cuo: The Tomb of the King of Zhongshan State in the Warring States Period (Vol. 1)]. Beijing: Cultural Relics Press, 1996, 888 p. (in Chinese).

Henan sheng wenwu kaogu yanjiusuo. *Xīncài Gélíng Chǔ mù* [Geling Chu Tomb in Xincai]. Zhengzhou: Elephant Press, 2003, pp. 145, fig. 83; p. 150, fig. 87. (In Chinese).

Li Xiaoqing, Nan Baosheng. Gānsù Qīngshuǐ xiàn Liúping jìnnián fāxiàn de běifāng xì qīngtóngqì jí jīn shìpiàn [Northern-type bronze wares and gold ornaments recently discovered in Liuping, Qingshui County, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2003, no. 7, pp. 4–17 (in Chinese).

Li Yu. Qín jīnyín zhìpǐn de kǎogǔ fāxiàn jí xiāngguān wèntí chūlùn [Preliminary discussion on archaeological discoveries and related issues of Qin gold and silver artifacts]. *Wénbó* [Relics and Museology]. 2016, no. 4, pp. 19–26 (in Chinese).

Liang Yun. Lùn zǎoqī Qín wénhuà de láiyuán yǔ xíngchéng [On the origin and formation of early Qin culture]. *Kǎogǔ Xuébào* [Acta Archaeologica Sinica]. 2017, no. 2, pp. 149–174 (in Chinese).

Liaoning sheng Zhaowuda meng wenwu gongzuozhan, Zhongguo kexueyuan kaogu yanjiusuo dongbei gongzuodui. Níngchéng xiàn Nánshāngēn de shíguǒmù [Stone-chamber tombs at Nanshangen in Ningcheng County]. *Kǎogǔ Xuébào* [Acta Archaeologica Sinica]. 1973, no. 2, pp. 27–39 (in Chinese).

Lin Yun. Zhōngguó běifāng chángchéng dīdài yóumù wénhuà dài de xíngchéng guòchéng [The formation process of the nomadic cultural belt in the Great Wall region of northern China]. *Yānjīng Xuébào* [Yenching Journal of Chinese Studies]. 2003, no. 14, pp. 366–429 (in Chinese).

Liu Bingbing, Xie Yan, Wang Hui. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2012–2014 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2012–2014 excavations of the Majiayuan Cemetery of the Warring States period in Zhangjiachuan, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2018, no. 3, pp. 4–25 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2018.03.001>

Liu Yang. Mǎjiāyuán chūtǔ jīnyín tóng shì dòngwù zàoxíng de Ōuyà cǎoyuán yóumù wénhuà yīnsù [Eurasian Steppe Nomadic Cultural Elements in the Animal-shaped Gold, Silver and Bronze Ornaments Excavated from Majiayuan]. Gānsùshěng wénwù kǎogǔ yánjiūsuo (ed.), *Qín yǔ Róng: Qín wénhuà yǔ Xīróng wénhuà shí nián kǎogǔ chéngguǒ zhǎn* [Qin and Rong: Ten Years of Archaeological Achievements of Qin Culture and Xirong Culture]. Beijing: Wenwu Chubanshe [Cultural Relics Press]. 2021, pp. 24–70. (In Chinese).

Lixian bowuguan. *Qín xīchuí língqū* [The Mausoleum Area in the Western Frontier of Qin]. Beijing: Cultural Relics Press, 2004, 157 p. (In Chinese).

Neimenggu zizhiqū wenwu kaogu yanjiusuo, Ningcheng xian Liao zhongjing bowuguan. *Xiǎohēishígōu: Xiàjiādiàn shàngcéng wénhuà yízhǐ fājué bàogào* [Xiaoheishigou:

Excavation report of the Upper Xiajiadian Culture site]. Beijing: Science Press, 2009, 487 p. (In Chinese).

Pan Ling, Li Zhiqi. *Mǎjiāyuán mùdì de fēnqī, wénhuà yīnsù jí zúshǔ yánjiū* [Study on the periodization, cultural elements, and ethnic affiliation of the Majiayuan Cemetery]. *Běifāng Kǎogǔ* [Northern Archaeology]. Beijing: Cultural Relics Press. 2025, no. 19, pp. 71–123 (in Chinese).

Pan Ling, Ma Ting. *Mǎjiāyuán mùdì Bōsī wénhuà yīnsù fēnxī* [Analysis of Persian cultural elements in the Majiayuan Cemetery]. *Cǎoyuán Wénwù* [Steppe Cultural Relics]. 2023, no. 2, pp. 91–106 (in Chinese). <https://doi.org/10.16327/j.cnki.cn15-1361/k.2023.02.001>

Peng Yang. *Chǔ fèngniǎo túshì jí qí jīngshén yánjiū* [Study on the Chu phoenix schema and its spirit]. PhD Dissertation. Changsha: Hunan Normal University, 2020. (In Chinese).

Qi Xiang. *Lùn Wèihé shàngyóu Dōngzhōu Xīróng wénhuà lèixíng yǔ wénhuà shànbiàn* [On the cultural types and cultural evolution of the Western Rong in the upper reaches of the Wei River during the Eastern Zhou period]. *Kǎogǔ Yǔ Wénwù* [Archaeology and Cultural Relics]. 2025, no. 2, pp. 70–78 (in Chinese).

Shao Huiqiu, Hou Zhijun. *Bǎishòu shuàiwǔ: Shāng-Zhōu shíqī Zhōngguó běifāng dòngwù wén zhuāngshì zōnghé yánjiū* [The dance of a hundred beasts: A comprehensive study of animal-pattern ornaments in Northern China during the Shang and Zhou periods]. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 331 p. (In Chinese).

Shao Huiqiu. *Ōuyà cǎoyuán zhōngbù qū zǎoqī yóumù wénhuà dòngwù wén zhuāngshì yánjiū* [Study on the animal-pattern ornaments of early nomadic cultures in the central Eurasian steppe]. *Biānjiāng Kǎogǔ Yánjiū* [Frontier Archaeological Research]. 2016, no. 1, pp. 229–256 (in Chinese).

Shao Huiqiu. *Zhōngguó běifāng, Xīnjiāng hé Ōuyà cǎoyuán wénhuà de jiāowǎng — yǐ dòngwù wén zhuāngshì wèi shìjiǎo* [Cultural interactions among Northern China, Xinjiang, and the Eurasian steppe: From the perspective of animal-pattern ornaments]. *Xīyù Yánjiū* [The Western Regions Studies]. 2018, no. 2, pp. 43–56 (in Chinese). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2018.02.005>

Shi Dangshe. *Cóng kǎogǔ xīn fāxiàn tán qián Sīlù de yīxiē wèntí* [Some issues on the Pre-Silk Road in light of new archaeological discoveries]. *Qínshǐhuángdìlǐng Bówùyüàn Lùncóng* [Collection of Essays from the Emperor Qinshihuang's Mausoleum Site Museum]. 2014, pp. 288–298 (in Chinese).

Wang Hui, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, et al. *Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2008–2009 nián fājué jiǎnbào* [Brief report on the 2008–2009 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2010, no. 10, pp. 4–26 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2010.10.003>

Wang Hui. *Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán mùdì xiāngguān wèntí chūtān* [Preliminary study on issues related to the Majiayuan Cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2009, no. 10, pp. 70–77 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.003>

Wang Yufeng. *Lóng wén de qǐyuán yǔ xíngchéng* [Origin and formation of the dragon motif]. *Wénwù Jiàndìng yǔ Jiànshǎng* [Identification and Appreciation of Cultural Relics]. 2025, no. 6, pp. 170–173 (in Chinese). <https://doi.org/10.20005/j.cnki.issn.1674-8697.2025.06.041>

Wu Xiaoyun. *Shāndiān shàng de xiónglù, měnghǔ yǔ yěshānyáng: Mǎjiāyuán mǎchē cǎoyuán zhuāngshì de láiyuán yǔ chuánbō tújīng* [Stags, Tigers, and Wild Goats on the

Mountaintop: Origin and Dissemination Routes of the Steppe Decoration on Majiayuan Chariots]. *Gùgōng Xuéshù Jíkān* [National Palace Museum Research Quarterly]. 2016, vol. 34, no. 1, pp. 5–10 (in Chinese).

Xie Yan, Feng Weiwei, Liu Bingbing, et al. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán mùdì 2015 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2015 excavations of the Majiayuan Cemetery in Zhangjiachuan, Gansu]. *Kǎogǔ Yǔ Wénwù* [Archaeology and Cultural Relics]. 2024, no. 3, pp. 22–42 (in Chinese).

Xie Yan, Liu Bingbing. Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2010–2011 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2010–2011 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2012, no. 8, pp. 4–26 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2012.08.005>

Xie Yan, Yang Junchang, Liu Liu, et al. Gānsù Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì M52 mùguān de shíyànshì kǎogǔ [Laboratory archaeology of the wooden coffin M52 from the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2026, no. 1, pp. 4–21 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2026.01.006>

Yang Jianhua. Zhāngjiāchuān mùzàng cǎoyuán yīnsù xúnzōng — Tiānshān tōngdào de kāiqī [Tracing steppe elements in the Zhangjiachuan burials: The opening of the Tianshan corridor]. *Xīyù Yánjiū* [The Western Regions Studies]. 2010, no. 4, pp. 51–56 (in Chinese). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2010.04.011>

Yang Jing, Shen Aifeng. Hùjiàn · gòngróng: Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì chūtǔ fúshì de duōyuán wénhuà tànxi [Mutual learning and integration: An analysis of the multiculturalism of costumes unearthed from the Majiayuan Warring States cemetery]. *Shāndōng Gōngyì Měishù Xuéyuàn Xuébào* [Journal of Shandong University of Art & Design]. 2025, no. 1 (in Chinese).

Yang Shouguo, Qi Yuezhong. Níngxia Péngyáng xiàn jìnnián chūtǔ de běifāng xì qīngtóngqì [Northern-type bronze wares recently unearthed in Pengyang County, Ningxia]. *Kǎogǔ* [Archaeology]. 1999, no. 12, pp. 28–37 (in Chinese).

Zhang Qing, Fang Min. “Chǔguó sīchóu zhōng de lóng fèng héti zàoxíng tànxi” [An Analysis of the Combined Dragon-Phoenix Forms in Chu Silk]. *Sīchóu* [Silk], 2017, vol. 54, no. 1, pp. 64–69 (in Chinese)

Zhou Guangji, Fang Zhijun, Xie Yan, et al. 2006 niándù Gānsù Zhāngjiāchuān Huízú Zìzhìxiàn Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì fājué jiǎnbào [Brief report on the 2006 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan Hui Autonomous County, Gansu]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2008, no. 9, pp. 4–28 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2008.09.001>

Zhou Guangji, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, et al. Zhāngjiāchuān Mǎjiāyuán Zhànguó mùdì 2007–2008 nián fājué jiǎnbào [Brief report on the 2007–2008 excavations of the Majiayuan Warring States cemetery in Zhangjiachuan]. *Wénwù* [Cultural Relics]. 2009, no. 10, pp. 25–51 (in Chinese). <https://doi.org/10.13619/j.cnki.cn11-1532/k.2009.10.001>

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026

Принята к публикации: 02.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026